

Cynthia Hand

Boundless

СИНТИЯ ХЭНД

The word 'СВОБОДНАЯ' is written in a bold, black, sans-serif font. It is surrounded by elegant, black, calligraphic flourishes that swirl and loop around the letters, creating a decorative frame. The flourishes are thin and fluid, contrasting with the solid, blocky letters.

СВОБОДНАЯ

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х99

Cynthia Hand
BOUNDLESS

Copyright © 2013 by Cynthia Hand
Published by arrangement with
HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers

Перевод с английского *О. Норицкой*
Художественное оформление *А. Рысухиной*

Хэнд, Синтия.

Х99 Свободная / Синтия Хэнд : [перевод с английского
О. Норицкой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-111984-3

Клара, в жилах которой течет кровь ангельских существ, готова защитить тех, кто ей дорог. Даже если для этого потребуются разбить сердце Такеру и уехать на другой конец страны.

Теперь она учится в университете и наконец-то нашла свое истинное призвание: стать врачом и помогать людям. Но прошлое все равно настигает ее. Семейяза, падший ангел, непрестанно следит за каждым ее шагом. Клара снова начали посещать тревожные видения. Близится решающая битва с Чернокрыльями.

Клара должна собрать все свое мужество, чтобы исполнить предназначение светлого ангела.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111984-3

© Норицкая О., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается моему отцу Роду

*Тот, кто следил, чтоб ты преодолела все преграды,
И даже в небе бесконечном направлял твой путь,
Тот и меня не бросит без награды,
Не даст с дороги верной мне свернуть.*

Уильям Каллен Брайант

ПРОЛОГ

Сначала я осознаю, что меня окружает темнота. Как будто кто-то выключил весь свет. Я прищуриваюсь, стараясь рассмотреть хоть что-нибудь, но ничего не выходит. Затем осторожно прошупываю пол и понимаю, что он идет под уклон. Я невольно отшатываюсь назад, но нога натывается на что-то твердое. Замерев, я стараюсь восстановить равновесие. И прислушиваюсь.

Откуда-то сверху доносятся тихие голоса.

Мне еще непонятно, о чем это видение, где я нахожусь, что должна сделать или от кого прячусь. Но можно не сомневаться, что я именно прячусь.

И что случилось нечто ужасное.

Судя по всему, я плачу. Из носа течет, но я даже не пытаюсь вытереть лицо. Я вообще не двигаюсь. Мне страшно. Можно было бы призвать венец, чтобы обезопасить себя, но тогда меня точно обнаружат. Вместо этого я сжимаю кулаки, пытаюсь побороть дрожь. Темнота надвигается, окутывая меня, и мне приходится впитаться ногтями в ладони, чтобы не поддаться нахлынувшему желанию призвать венец.

«Успокойся, — говорю я себе. — Не нервничай».

И позволяю тьме поглотить меня.

1

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ФЕРМУ

— Как ты, Клара?

Я резко прихожу в себя посреди спальни. Вокруг ног разбросаны журналы, которые, видимо, выпали из рук, когда меня посетило видение. Воздух обжигает легкие, мышцы напряжены так, будто я только что пробежала марафон, а глаза режет от света, проникающего сквозь окно. Моргнув, я поворачиваюсь к Билли, которая прислонилась к дверному косяку моей спальни с понимающей улыбкой на лице.

— Что случилось, малышка? — не дождавшись ответа, спрашивает она. — Ты получила новое видение?

Я делаю глубокий вдох.

— Откуда ты знаешь?

— Мне они тоже приходят. К тому же большую часть своей жизни я общаюсь с людьми, у которых появляются видения. Так что я научилась определять это по выражению лица.

Она обхватывает меня за плечи и усаживает на кровать. А затем опускается рядом и ждет, пока мое дыхание замедлится.

— Хочешь поговорить об этом? — наконец спрашивает она.

— Пока не о чем говорить, — отвечаю я. — Но, возможно, мне все равно стоит тебе рассказать?

Видения появлялись все лето, с того момента, как я отправилась в Италию с Анджелой. Но до сих пор в них не было ничего, кроме темноты, ужаса и наклонного пола.

Билли качает головой:

— Нет. Поделись со мной, если это поможет тебе успокоить душу. Но я считаю, что видения — это сообщения, которые передаются именно тебе и предназначены только для тебя.

Меня радует, что она так спокойно относится к этому.

— Как у тебя это получается? — интересуюсь я через минуту. — Как ты можешь продолжать спокойно жить, зная, что случится нечто плохое?

В появившейся на ее лице улыбке отражается боль. А затем она кладет свою теплую смуглую руку поверх моей.

— Нужно научиться находить то, что сделает тебя счастливой, малышка, — объясняет она. — Находить то, что придаст твоей жизни смысл. И держаться за это. А затем постараться перестать беспокоиться о вещах, которые невозможно контролировать.

— Знаешь, это легче сказать, чем сделать, — вздыхаю я.

— Ну, если потренироваться, то все получится. — Она хлопает меня по плечу, а затем сжимает его. — Пришла в себя? Готова попробовать?

Я натягиваю улыбку на лицо.

— Да, мэм.

— Отлично, тогда за работу, — шутливо говорит она.

Я вновь приступаю к упаковке вещей, чем и занималась до того, как на меня обрушилось видение, а Билли берет скотч и принимается клеивать собранные коробки.

— Знаешь, когда-то я помогала твоей маме собирать вещи для Стэнфорда. В тысяча девятьсот шестьдесят

третьем году. Мы тогда жили в маленьком домике на берегу моря в Сан-Луис-Обиспо.

«Я буду скучать по Билли», — думаю я, пока она продолжает свой рассказ. Глядя на нее, я очень часто вспоминаю о маме. Не потому, что они похожи — если не считать высокого роста и красоты, — а потому что у Билли, как у лучшей маминой подруги, за сотню лет накопилось множество смешных и печальных историй. Как эта, о сборах в Стэнфорд, или об ужасной маминой стрижке, или о том, как она подожгла кухню, пытаясь приготовить бананы фламбе¹, или о том, как мама спасла человеку жизнь с помощью заколки и резинки для волос, когда они с Билли работали медсестрами во время Первой мировой войны. Поэтому мне так нравится проводить время с Билли. Ведь в те несколько минут, пока она рассказывает эти истории, мне кажется, будто мама жива.

— Эй, все хорошо? — спрашивает Билли.

— Да, мы почти закончили, — прокашлявшись, чтобы скрыть дрожь в голосе, отвечаю я.

А затем складываю последний свитер и, спрятав его в коробку, оглядываюсь по сторонам. Несмотря на то что некоторые вещи еще не упакованы, а плакаты так и висят на стенах, комната выглядит пустой, будто я уже здесь не живу. А мне до сих пор не верится, что завтра я действительно уеду отсюда.

— Ты можешь приезжать сюда когда захочешь, — напоминает Билли. — Ты же знаешь. Этот дом твой. Ты, главное, предупреди меня, что выехала, чтобы я застелила свежие простыни.

Похлопав меня по руке, она спускается на первый этаж и выходит на улицу, чтобы загрузить коробки

¹ Ф л а м б и р о в а н и е — обработка продукта, при которой блюдо поливают алкогольным напитком, а затем поджигают. При выгорании спирта продукт приобретает своеобразный вкус и аромат.

в свой грузовик. Завтра она тоже отправится в Калифорнию, а мы с мамой Анджелы Анной поедем следом на моей машине. Я выхожу в коридор. В доме тихо, но он наполнен какой-то странной энергией, словно в нем полно призраков. Я смотрю на закрытую дверь в комнату Джеффри. Он должен быть здесь. Должен приступить к учебе в выпускном классе средней школы Джексон-Хоула. Должен ходить на тренировки по футболу, пить свои отвратительные протеиновые коктейли и заполнять разномастными вонючими носками корзину для белья. Кажется, стоит мне подойти к его дверям и постучать, как я услышу: «Уходи». Но я бы все равно зашла. А он бы отвернулся от компьютера и, возможно, убавил пульсирующую музыку, а затем ухмыльнулся бы и добавил: «Ты еще не ушла?» Может, я бы придумала что-нибудь остроумное в ответ, но мы бы оба прекрасно понимали, что он будет по мне скучать. А я буду скучать по нему.

Я уже по нему скучаю.

Снизу доносится хлопок входной двери.

— Ты ждешь гостей? — кричит Билли.

А следом до меня доносится рев двигателя подъезжающей машины.

— Нет, — громко отвечаю я. — Кто там?

— Это к тебе, — говорит она.

Я быстро спускаюсь по лестнице и открываю дверь.

— О, отлично, что ты здесь, — приветствует меня Венди. — Я боялась, что ты уже уехала.

Я инстинктивно выглядываю на улицу в поисках Такера, а сердце пускается в пляс.

— Его нет, — ласково говорит Венди. — Он, э-э-э...

Ох. Он не хочет меня видеть.

Я старательно растягиваю улыбку на лице, несмотря на боль, пронзающую грудь. «Правильно, — думаю я. — Зачем ему приезжать? Мы же расстались. И его жизнь на этом не закончилась».

Я отбрасываю грустные мысли и вновь смотрю на Венди. Она прижимает к груди картонную коробку так, словно боится, что та выскользнет из рук. И переминается с ноги на ногу.

— Что-то случилось? — спрашиваю я.

— У меня остались кое-какие твои вещи, — говорит она. — Завтра я уезжаю в университет, поэтому... поэтому подумала, что тебе они могут понадобиться.

— Спасибо. Я тоже уезжаю завтра, — отвечаю я.

Когда мы с ее братом только начали встречаться, Венди пообещала мне, что если я причиню Такеру боль, то она закопает меня в конском навозе. И с тех пор, как мы расстались, я все жду, что она появится у меня на пороге с лопатой наперевес, которой огреет меня по голове. Я даже считаю, что в какой-то степени заслужила это. Но сейчас Венди выглядит такой ранимой и полной надежд, словно скучала по мне этим летом. Словно она все еще хочет оставаться моей подругой.

— Спасибо, — с улыбкой повторяю я и тянусь к коробке.

Она застенчиво улыбается в ответ и протягивает ее мне. Внутри оказывается пара дисков с фильмами, журналы, несколько книг, в том числе и потрепанная «Академия вампиров», а также пара туфель, которые я одолжила ей на выпускной.

— Понравилось в Италии? — спрашивает она, когда я ставлю коробку на пол рядом с дверью. — Я получила твою открытку.

— Там великолепно.

— Представляю, — завистливо вздыхает она. — Мне всегда хотелось побывать в Европе. Увидеть Лондон, Париж, Вену. — На ее лице появляется улыбка. — Не хочешь показать мне фотки? Я с удовольствием посмотрела бы их. Ну, если у тебя есть время.

— Ох, конечно.

Я бегом поднимаюсь в свою комнату за ноутбуком,

а затем усаживаюсь рядом с Венди на диван в гостиной и показываю летние фотографии. Прижавшись плечами друг к другу, мы просматриваем фотки Колизея, римских арок, катакомб, виноградников и холмов Тосканы, Флоренции, а также меня, пытающейся удерживать падающую Пизанскую башню.

А следом за этим снимком появляется изображение Анджелы и Пена на крыше собора Святого Петра.

— Подожди, верни назад, — просит Венди, когда я быстро пролистываю ту фотографию.

И я неохотно возвращаюсь к ней.

— Боже, кто это? — выдыхает она.

Ее можно понять. Пен очень сексуальный. В его карих глазах и мужественном совершенстве лица есть что-то невероятно притягательное. Но, черт побери, и Венди туда же?

— Парень, с которым мы познакомились в Риме, — отвечаю я.

Ну, это самое близкое к правде, что я могу сказать, не выдавая все подробности романа Анджелы и ее тайного, «поклонись, что никому не скажешь, Клара», парня. Который, по ее же словам, оказался лишь летним увлечением. И с тех пор, как мы вернулись в Вайоминг, она старательно делает вид, словно вообще не знает, кто такой Пен.

— Я уже упоминала, что хочу побывать в Италии? — выразительно подняв брови, спрашивает Венди. — Ничего себе.

— Да, там много сексуальных парней, — соглашаюсь я. — Правда, потом они превращаются в пузатых мужчин средних лет с зачесанными назад волосами в костюмах от Армани, которые смотрят на тебя так и говорят: «Привет, как дела?»

Я старательно изображаю развратную итальянскую ухмылку, а затем приподнимаю подбородок и посылаю ей воздушный поцелуй.